

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА СЛОВО В РОМАНЕ М. АУЭЗОВА «ПУТЬ АБАЯ»

М.В. Румянцева, *m.rumjanzewa@rambler.ru*
Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию метафорических признаков концепта *слово* в художественном творчестве казахского писателя XX века М. Ауэзова. Целью данного исследования является анализ, классификация и описание языкового выражения метафорических моделей, которыми репрезентирован концепт *слово*. В процессе исследования использовались методы контекстуального анализа и классификации, а также описательный метод. Материалом для исследования послужил роман М. Ауэзова «Путь Абая». Найденные в тексте метафорические модели были классифицированы на несколько групп: военные, природные, биоморфные, гемоморфные, морбуальные и реаморфные. Сделан вывод о том, что военные и природные метафоры продуктивно развивают переносные значения концепта *слово* в казахской лингвокультуре. Они позволяют автору приоткрыть доступ к загадочной природе живого человеческого слова: описать его красоту, эмоциональный потенциал, а также силу воздействия на человека. Острое, меткое слово становится оружием социальной борьбы с пороками общества. Мудрое, живое, исцеляющее слово поэта есть драгоценный подарок его потомкам.

Ключевые слова: концепт, метафора, метафорический признак концепта, М. Ауэзов, роман «Путь Абая»

Для цитирования: Румянцева М.В. Метафорические признаки концепта *слово* в романе М. Ауэзова «Путь Абая» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2024. Т. 21, № 2. С. 58–65. DOI: 10.14529/ling240208

Original article
DOI: 10.14529/ling240208

METAPHORICAL SIGNIFIERS OF THE CONCEPT WORD IN THE NOVEL “THE WAY OF ABAI” BY M. AUEZOV

M.V. Rumyantseva, *m.rumjanzewa@rambler.ru*
Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of metaphorical signifiers of the concept *word* in the artistic work of the Kazakh writer of the 20th century M. Auezov. The purpose of this study is to analyze, classify and describe the language expression of metaphorical models that represent the concept *word*. The study used contextual analysis and classification methods, as well as a descriptive method. The material for the study was the novel by M. Auezov “The Way of Abai.” The metaphorical models found in the text were classified into several groups: military, natural, biomorphic, hemomorphic, morbid and rheomorphic metaphors. It was concluded that military and natural metaphors quite productively develop the figurative meanings of the concept *word* in the Kazakh linguistic culture. They allow the author to reveal access to the mysterious nature of a living human word: to describe its beauty, emotional potential, as well as the power of influence on a person. A sharp, apt word becomes a weapon of social struggle against the vices of society. The wise, living, healing word of the poet is a precious gift to his descendants.

Keywords: concept, metaphor, metaphorical sign of the concept, M. Auezov, the novel “The Way of Abai”

For citation: Rumyantseva M.V. Metaphorical signifiers of the concept *word* in the novel “The way of Abai” by M. Auezov. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2024;21(2):58–65. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling240208

Актуальным направлением современной лингвистики является когнитивная лингвистика, занимающаяся концептуальными исследованиями различных лингвокультур. Среди терминов, которыми активно оперирует когнитивная лингвистика, основными являются языковая картина мира, концептуальная картина мира, ментальность, а также концепт. На сегодняшний день существует множество определений концепта. Концепт трактуется и как «основная единица ментальности» [9], и как «квант структурированного знания» [1, с. 7], и как «единица коллективного знания/сознания, отмеченная этнокультурной спецификой» [7, с. 52–59]. Но в качестве рабочего мы выбираем определение М.В. Пименовой, которая под концептом понимает некое представление о фрагменте мира (или его части), имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков (атомов смысла), реализуемых различными языковыми способами и средствами [14, с. 126–132].

Представление о фрагменте мира формируются общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта познания мира и фантазии автора. В процессе возникновения слова первична его внутренняя форма, которая представляет собой мотивирующий признак. По мере того, как слово находит свое место в сознании и речи говорящего, оно обрывает дополнительные метафорическими значениями. Метафора становится орудием мысли, что связано с интерпретацией и постижением новых смыслов через познанное. Происходит процесс приращения образных признаков (например, из природного или предметного миров), когда новый концепт осмысливается сквозь призму концептов, уже существующих в сознании носителей языка. Совокупность признаков, достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира, формируют структуру концепта.

Данная статья посвящена исследованию концепта *слово* в художественном творчестве казахского писателя XX века Мухтара Ауэзова, но не претендует на полное описание структуры данного концепта, которое возможно только при исследовании всего набора концептуальных признаков. Целью нашего исследования является анализ, классификация и описание языкового выражения метафорических признаков и метафорических моделей, которыми концепт *слово* репрезентирован в двухтомном романе-эпопее М. Ауэзова «Путь Абая», послужившем материалом для данного научного изыскания. Использование описательного метода, а также методов контекстуального анализа и классификации способствовало выделению семантико-когнитивных моделей и описанию способов и средств вербализации метафорических признаков концепта *слово*.

Роман-эпопея «Путь Абая» – это книга, благодаря которой мир узнал о жизни, судьбе и творчестве великого казахского мыслителя, поэта,

композитора, просветителя второй половины XIX века, основоположника казахской письменной литературы Абая Кунанбаева. Критики оценивают это произведение как плод большого таланта, кропотливой работы и большого писательского подвига, стоившего автору долгих поисков и глубочайших творческих размышлений в течение двух десятков лет [13, 17]. Создание романа стало знаменательным событием в истории казахской литературы и имело большое историко-литературное значение в литературе всего советского периода.

Роман был первым опытом обращения казахского писателя к исторической теме. Вся сложность создания этого произведения заключалась в том, что М. Ауэзов в условиях отсутствия историографии и документальной основы создавал не биографию Абая и не исторический роман в строгом смысле этого слова, а, опираясь на устные способы передачи информации, постигал эпоху и процессы формирования казахского национального характера через судьбу и творчество Абая [4]. Одно из главных достоинств этого произведения, которое «дышит ароматом казахской степи и в котором ощущаешь во всей полноте целый мир материальной и духовной жизни казахского народа, его радости и горести, мысли и чувствования» [8], заключается в ярком национальном колорите, в неповторимом своеобразии. Талантливо выписанный образ свободолюбивого художника слова Абая, много размышлявшего над судьбами родного народа, ратовавшего за справедливость и человечность, покоряет читателя своим правдоподобием и убедительностью.

Поскольку основным средством воздействия поэта на сознание общества является слово, то не удивительно, что концепт *слово* представлен в романе достаточно широко. В номинативное поле концепта вошли следующие лексемы: *слово, молва, речь, слухи, толки, новости, весточка, стихи, строки, песни, правда, клевета, сплетня, насмешка, оскорбление, ответ*. Анализу подверглись 65 единиц метафорических конструкций, где референтом выступила одна из перечисленных лексем-номинантов концепта. В результате анализа метафорические конструкции классифицированы на несколько тематических групп: военные (33,8 %), природные (31,8 %), биоморфные (17,1 %), гемоморфные (9,4 %), морбуальные (4,7 %) и реаморфные (3,2 %) метафоры. В таблице представлены лексемы, репрезентирующие метафорические признаки концепта *слово* в романе «Путь Абая».

Рассмотрим каждую из групп.

Военная метафора

Под военной метафорой будем понимать такую группу метафор, в семантической структуре которой как эксплицитно, так и имплицитно представлена сема *война*. Согласно исследованиям отечественных лингвистов, военная метафора, которая часто рассматривается в составе политической, составляет более 30 % от общего числа метафор

Лексемы-репрезентанты метафорических признаков концепта *слово*

Метафора	Лексемы-репрезентанты
Военная	Тактика ведения боевых действий (<i>боевой клич, удар по голове, удар по лицу, хлестать плетью по лицу, резать кинжалом по сердцу</i>); оружейная терминология (<i>камча, палка, дубинка, стрела, нож, кинжал, клинок, меч</i>); огневая подготовка и боеприпасы (<i>меткий выстрел, каленое ядро</i>).
Природная	Вода (<i>неземные воды, капли, родник, струйки родника, ручей, река, полноводная река, волны, бурный поток, светлый поток</i>); огонь (<i>пожар, степной пожар, искра, дым, пламя</i>); погодные явления (<i>ветер, вихрь, буря, молния</i>).
Биоморфная	Антропоморфы-соматизмы (<i>тяжкий вздох, прерывистое дыхание, дымящаяся кровь, сердце</i>); зооморфы (<i>конь, верблюд, иноходец, птица, орел, лебедь</i>); фитоморфы (<i>цветы</i>).
Гемоморфная	Драгоценные камни (<i>жемчужины, крупный жемчуг</i>); драгоценные металлы (<i>золото, жамба (серебряный слиток), слиток драгоценного металла</i>).
Морбуальная	Болезни и их симптомы (<i>холера, нечистоты</i>); лечение заболеваний (<i>руки опытного костоправа, исцеление</i>).
Реаморфная	Рукоделие (<i>вышивать узоры, плести узоры на ковре</i>).

разных групп и отражает степень «милитаризации сознания» общества [5, 11]. Отмечается также, что война – одна из наиболее значимых сфер опытного знания человечества, а военная метафора относится к числу базовых, что подтверждается высокой степенью детализации тезауруса, а также высокой продуктивностью этой метафорической модели [18, с. 189].

В своем стихотворении «Разве не должен, мертвый, я глиной стать...» (1898), известном в переводе М. Тарловского, Абай писал:

*Если ты в себе сумеешь разобраться,
То подумай обо мне: я человек-загадка,
Вырос на земле я битв и бездорожий,
В битвах с тысячько людей был я одиноком!*

[10, с. 238].

Видим, что сам Абай мыслит свое поэтическое творчество через призму военной метафоры: одинокий поэт словом ведет бой с невежественными, алчными, злобными людьми. М. Ауэзов в своем произведении разворачивает и усложняет военную метафору для актуализации концепта *слово*. Метафора репрезентируется лексикой различных тематических групп. Мы выделяем группы лексем из области тактики ведения боевых действий, из оружейной терминологии, из сферы огневой подготовки и наименования боеприпасов.

Лексико-семантическая группа «тактика ведения боевых действий» представлена сценариями из рукопашного боя или поединка с применением примитивных видов оружия (например, палка (сойыл) или дубинка (шокпар). Лингвокультурную ситуацию в обществе, ведущем кочевой образ жизни, отражает и применение боевого клича своего рода: *С громкой песней, звучащей как боевой*

клич, жигиты скакали по широкой равнине [2, с. 466].

В казахской лингвокультуре формы человеческого тела лежат в основе организации общества: голова – хан, руки – воины-батыры, спина – народ. Голова – это символ власти, величия человека. Для казаха не бывает хуже оскорбления и унижения, чем получить удар по лицу или по голове. Грубое, лживое или оскорбительное слово сравнивается с ударом по лицу: *Уже давно поэт не испытывал такого наглого и злобного оскорбления, грубого, как удар по лицу* [3, с. 338]. Но такой же эффект имеет и ничем не завуалированное правдивое слово, сказанное прямо в глаза оппоненту: *Он бросал правду в глаза, точно бил по голове прямыми словами* [2, с. 343]. *Громко и отдельно произносил обличительные строки, словно раз за разом ударяя противника по голове* [3, с. 487]. *Это не слова, а удар дубинкой прямо по голове* [3, с. 73].

Оружие является одним из компонентов материальной культуры. У казахского народа в прошлом преобладало различного вида холодное оружие. Подтверждение тому – фольклорный материал, например, известный героический эпос «Кобланды-батыр», в котором оружие батыров составляют булава, лук, стрелы, булатный меч (сабля) и копьё [12, с. 4–22]. Лексико-семантическая группа «оружейная терминология» в исследуемом нами тексте репрезентируется такими лексемами-номинантами, как *камча, стрела, нож, кинжал, клинок, меч*.

Камча (плеть или кнут) в культуре степняков являлась символом власти, достоянием только настоящих мужчин [16]. С помощью камчи управляли лошадей, решали споры, изгоняли злых духов, демонстрировали социальный статус, наказывали

и даже убивали врагов: *Слова Абая ошеломили волостных, словно тяжелый удар плеткой по лицу* [3, с. 298]. Камча была также средством невербального общения: она лучше всяких слов выказывала намерения мужчины, его настроение или отношение к ситуации: *Он как камчой хлестал тех, кто гонится за чинами* [2, с. 600]. Камчой муж держал в строгости жену и детей: *Стихи хлестали Каражан, как плетью* [3, с. 67]. Заходить в гости с плеткой в руках было знаком недоброго намерения. Так заходили только в дом врага. Если казах, став на одно колено, опирался камчой о землю, это означало, что он принес дурные вести: *Услышав злые новости, она побледнела, ей показалось, что ее по самому сердцу хлестнули тонкой плетью* [2, с. 331].

Для кочевников необходимым оружием не только во время военных действий, но и во время охоты были лук и стрелы. Постепенно в общественной жизни они превратились в своеобразные символы социально-правовых отношений: лук выражал положение сюзеренства, господства, а стрела – вассальности, подчиненности. Стрела могла также стать знаком приглашения к участию в походе или знаком начала вражды: *Они посылают друг другу не слова, а отравленные стрелы* [3, с. 174]. Казахи использовали для стрел яд из травы сасыктеке (дословно – «вонючий козел»), чтобы разить врага наповал. Отравленная стрела часто становится метафорическим признаком концепта слово в казахской лингвокультуре: *Каждое из этих слов впивалось в сердце Манике отравленной стрелой* [3, с. 224].

Неотъемлемой частью жизни кочевых племен был нож. С течением времени нож обрел особую религиозную значимость – в ханской власти он использовался как оружие духовной войны. Нож имеет ритуальное значение, например, используется при проведении церемонии садака (пожертвование), которую казахи совершают в мечетях с целью духовного очищения. Видимо, как раз такое значение слова подразумевает М. Ауэзов в следующем примере: *Она опустила глаза, ожидая его слов, как удара ножом* [2, с. 354]. Намного острее и опаснее ножа являлся кинжал, который часто использовался для самозащиты. Именно слова Абая в защиту себя на суде волостных сравниваются с взмахами кинжала: *Слова его, быстрые, громкие, разили, как взмахи кинжала* [2, с. 470]. Но острое слово, как и это колюще-режущее оружие, способно убивать врага, поражая его прямо в сердце: *В былые времена подобные слова резанули бы его кинжалом по сердцу* [3, с. 422]. Самое мощное, священное оружие у казахов – это меч, предназначенный для ведения войны: *Любое слово могло прозвучать в этой зловещей тишине, как первый свистящий взмах клинка* [3, с. 358]. Часто он имел обоюдоострый клинок. Этот метафорический признак также приписывается концепту слово: *Каждое его слово будто оттачивалось с двух*

сторон, как обоюдоострый меч, негодованием и сознанием своей правоты [2, с. 295].

Огнестрельные ружья были редкостью и роскошью в степи, они использовались для охоты и переходили от отца к сыну. У М. Ауэзова находим метафорический признак быстроты и внезапности оружейного выстрела, приписываемый слову: *Язвительный ответ, внезапный и мгновенный, как выстрел, свалил его с ног* [3, с. 51]. Меткие стрелки всегда ценились среди казахов, воспевались в фольклоре, вызывали восхищение: *Меткие слова Азимбая пришли всем по душе* [3, с. 436].

Неожиданным в семантической группе «огневая подготовка и боеприпасы» стало словосочетание *каленое ядро*, так как в казахском войске, которое еще в начале XX века осуществляло свои действия верхом на лошадях, пушек просто не было. Применять их было крайне неудобно, так как терялась мобильность войска. Наблюдать принцип действия и военную эффективность пушек и пушечных ядер казахи могли в российской армии, что и повлекло за собой возникновение соответствующего метафорического признака у концепта слово: *Он метнул слово, крепкое и тяжелое, как каленое ядро, в толпу мулл, и оно высекло искры* [3, с. 327].

Природная метафора

Природные метафоры в романе М. Ауэзова добавляют концепту слово признаки двух противоположных стихий воды и огня, а также некоторых погодных явлений, таких как ветер, вихрь, буря, молния.

Метафорический признак воды получает слово, сложенное поэтом-акыном в прекрасные стихи и песни: *Песня акына – потоки вод неземных* [2, с. 65]. Лексико-семантическая группа «вода» представлена лексемами *капли, родник, струйки родника, ручей, река, полноводная река, волны, бурный поток, светлый поток*.

Стихи, зарифмованные и сложенные автором определенным размером, для уха казаха «журчат», «льются», подобно струям воды: *Прекрасные стихи журчали, как неиссякаемые струйки родника* [3, с. 485]. Слова, неизвестные ему до той минуты, *лились, как родник, неповторимый в своем течении* [2, с. 235]. Правдивые стихи, по мнению М. Ауэзова, как горный ручей, способны пробить себе путь: *Стих, рожденный правдой, подобен ручью, чей исток на высокой горе: он всюду найдет себе дорогу* [3, с. 10].

Стихи, сопровождаемые музыкой, то есть песня, имеют большую силу, силу реки: *Песня лилась свободно и быстро, как река* [3, с. 2251]. Песня не просто «льется», она «полноводно растекается», «бурлит», «плещет»: *По широким просторам растекается полноводной рекой драгоценный подарок Биржана – лучшие песни Сары-Арки* [2, с. 106]. *Забурлила, плещет река, это Барлас песни поет* [2, с. 66]. Разный ритм музыки навеивает ассоциации то с тихой рекой, то с бурным

поток: *Песня плыла, как мягкие, тихие волны* [2, с. 587]. *Песня лилась то скупо, по каплям, то свободно, бурным потоком растекалась на множество журчащих ручейков* [3, с. 390]. Но песня – это всегда свобода самовыражения, способ выказать свое отношение к миру, обществу, быть услышанным и, может быть, повлиять на ход истории: *Песня, как вихрь, очищает воздух, как светлый поток, смывает зловоние и грязь с холмов Сары-Арки* [2, с. 348].

Метафорический признак огня в казахской лингвокультуре приобретает лживое слово, номинируемое лексемами *насмешка, слухи, сплетня, толки, клевета*. Актуализируется этот признак лексемами *пламя, дым, пожар*. Насмешки способны «обжигать»: *Насмешки вылетали из его уст обжигающим пламенем* [3, с. 102]. От клеветы можно «задохнуться», как от едкого дыма: *Клевета стлалась всюду едим дымом, обволакивала Кодара* [2, с. 46]. Но наиболее частым эталоном для такого метафорического переноса является скорость распространения слухов, толков и сплетен в степи. Они «несутся», «мчатся», разлетаются. Это происходит также быстро, как степной пожар охватывает всю степь в ветреную погоду: *Слухи, толки, неугомонная молва, горячие споры и бесконечные рассказы носились в воздухе и как пожар охватывали весь край* [2, с. 181]. *Толки быстро разлетелись по степи, как пожар в ветреный день* [2, с. 463]. *Слухи о зверском убийстве Сармоллы распространились с быстротой степного пожара* [3, с. 328]. *И вот гнущая сплетня, словно гонимое ветром пламя, домчалась до Кунанбая* [2, с. 49].

Как видно из примеров, слова летят по ветру, и они сами есть ветер: *И тогда мчались слова, легкие и стремительные, как степной ветер* [2, с. 120]. Новое слово поэта свежо, как тихий степной ветер, лживое слово злого человека может вызвать бурю: *Новое слово летело по степи, как тихий ветер Сары-Арки, медлительно и плавно веющий над ее просторами* [2, с. 599]. *Уразбай поднимал против мирных Кокенских аулов ветер ядовитых лживых слов, который грозил превратиться в бурю* [3, с. 435]. Порой слово даже сильнее и страшнее любого природного катаклизма: *Это слово было страшнее пожара, бури и сверкающих молний* [3, с. 442].

Биоморфная метафора

Чуть менее продуктивным кодом для репрезентации концепта *слово* является код биоморфный, который представляет собой совокупность метафор, содержащих наименования представителей всего живого мира: человека, животных и растений и их портативных составляющих. В нем собраны представления и стереотипы казахского народа о себе и о фауне и флоре Казахстана. Наличие таких метафор в лингвокультуре свидетельствует о видении слова как живого существа.

Антропоморфный код представлен в романе М. Ауэзова соматизмами *сердце матери, кровь, дыхание, вздох*. Найденные примеры демонстрируют, что в наивной картине мира казахов слово может рождаться как в разуме, так и в сердце. Но стихи и песни всегда идут из груди, из сердца и ассоциируются с самим сердцем или с горячей кровью: *Песня, как верное сердце матери, не знает перемен* [2, с. 94]. *Слова шли от сердца, а не от разума, били ключом горячей, дымящейся крови* [3, с. 396]. Часто наблюдается также метафорическое сравнение стихов с дыханием и биением сердца поэта: *Стихи, как прерывистое дыхание, вырываются из груди* [2, с. 335]. *Какие искусные слова! Не слова – дыхание, трепетное биение сердца* [2, с. 579]. Настоящему поэту процесс создания стихов жизненно необходим, как глоток воздуха.

Зооморфный код состоит из двух частей: териологического и орнитологического субкодов. Териологический субкод, реализуемый номинативами животных, представлен в казахских текстах лексемами *конь и верблюд*. Эталон для сравнения здесь служит утилитарное значение данных домашних животных. «Скот для казахов был утешением, был всем. Скот – еда, одежда, средство передвижения. При встрече они приветствовали друг друга такими словами: «Мал-жан аман ба?» («Цел, невредим ли ваш скот?»)» [6, с. 37]. Конь играл особую роль в жизни кочевника. Он являлся не только средством передвижения, он «имел сакральные смысл, отношения между конем и человеком были одухотворены и обоюдно притягательны. Конь для тюрка – продолжение души и тела, его второе «я». Кочевники ощущают и мыслят мир и человека в образе коня» [15, с. 168, 182]. Принимая во внимание важность верблюда как сильного, выносливого вьючного животного в Центральной Азии, можно понять, почему он играет такую заметную роль в литературе этого региона. По мнению казахов, мудрое слово поэта – это такой же ценный подарок, как хороший конь или верблюд: *Ты щедро одарил меня этими словами. Они дороже самого лучшего коня, самого сильного верблюда* [3, с. 155]. Но не все красивые слова наполнены смыслом. Если слово пусто, пользы от него никакой: *Пустые краснобаи ... их речь, как иноходец плывет, а какая от них польза?* [2, с. 410].

Орнитологический субкод зооморфного кода (наименования птиц) находит свое выражение в гиперониме *птица* и гипонимах *орел и лебедь*, употребленных в качестве агента метафорического сравнения к концепту *слово*. Данный агент, как и агент *ветер*, добавляет слову способность быстро передвигаться по воздуху: *Свежая весточка, необычное слово, на завтра оно с быстротой птицы облетало базары и улицы* [3, с. 479]. Стихи, предоставленные поэтом на суд слушателей, «порхают», «взмывают вверх», «парят», «играют», «на-

слаждаются свободой»: *Стихи, словно птицы, вырвавшиеся из неволи, они порхают, плывут, игруют, наслаждаясь простором, взмывают вверх* [2, с. 335]. Песня, исполняемая девушкой, похожа, по мнению казахов, на прекрасного белого лебедя: *Песня трепетала, как белоснежные крылья лебедя, парящего в бездонной синеве неба, сверкающей золотом солнечных лучей* [3, с. 582]. Казахи полагают, что слово можно приручить, тогда им можно пользоваться в борьбе с врагами, как охотник использует хищных птиц для поимки и умерщвления добычи: *...если овладеть словом, парящим подобно орлу, оно насмерть сразит свою добычу* [3, с. 48].

Фитоморфный код представлен одной лексемой *цветы*, самой важной для продолжения жизни растения частью, яркой и привлекательной. Эти прекрасные творения природы, равно как и порожденные поэтом стихи, вызывают у людей только восхищение: *Подобно цветам, незримо рождаются прекрасные стихи* [3, с. 391]. *Песня и слово расцвели во всю силу* [3, с. 53].

Гемоморфная метафора

Редкой, но очень выразительной является гемоморфная метафора, которая содержит в своем составе наименования драгоценных или полудрагоценных камней или металлов. Она, применяемая по отношению к концепту *слово*, придает ему признак драгоценного подарка. В казахском сознании *слово* – это жемчуг, а слово умудренного жизненным опытом человека – жемчуг более крупного размера: *Не слова, а жемчужины нанизывала она на длинную нить* [2, с. 64]. *Строки, исполненные истинного изящества зрелой мысли, подобны крупному жемчугу, извлеченному взволнованным морем из самой глубины бездонной пучины* [3, с. 578].

Как драгоценный металл, стихи «выплавляются» в горниле мятущейся души поэта: *Слова его стихов как бы выплавились из слез, вздохов, рыданий, рождались в горении скорбной души*. Песни и стихи казахи запоминали, хранили и передавали из уст в уста, как украшения из золота или серебра: *Песни народ будет хранить, как золото* [3, с. 233]. Золоту казахи предпочитали серебро, так как знали о полезных свойствах этого благородного металла. В степи говорили: «Алтын – сәндікке, күміс – тазалыққа», что означает «Золото – для красоты, а серебро – для чистоты». У М. Ауэзова находим метафору стихотворение – жамбы: *Стихотворение, слитое из гневной иронии, цельное, массивное, подобно сплаву жамбы* [3, с. 394]. Жамбы – это слитки серебра разной формы и веса (в виде сердца или копыта барана), применявшиеся как деньги или ценный подарок (например, в казахском национальном виде спорта жамбы ату – когда всадник сбивал жамбы, установленный на высоком столбе). Мудрые стихи Абая представляются слитками драгоценного металла: *В этих словах, как в слитке драгоценного металла, сгу-*

стился смысл высокой и самоотверженной жизни поэта и гражданина [3, с. 522].

Морбуальная метафора

Под морбуальной метафорой понимаем группу метафор, в состав которых входят лексемы, репрезентирующие наименования болезней, их симптомы, способы лечения и т. д. Морбуальные метафорические признаки у концепта *слово*, наверное, присутствуют во многих культурах, потому что считалось, что словом можно подарить великое благословение или проклясть, исцелить или погубить. Содержанию, звучанию и эмоциональной нагрузке слов люди издревле уделяли большое внимание. В казахской лингвокультуре существует множество пословиц о морбуальной и лечебной силе слова, например, пословицы *Жаман сөз – жанға кірген тікен* (Дурное слово занозой вонзается в душу) и *Тіл тікенді де алады* (Язык и занозу вынимает), содержание которых в русском эквиваленте передает пословица *Доброе слово лечит, а злое калечит*. В романе эта мысль отражена в следующем примере: *Слова его добрые. В них исцеление для народа* [2, с. 571].

Морбуальные признаки *слова* в творчестве М. Ауэзова актуализируются лексемами *нечистоты*, *холера*. Репрезентант *холера* отражает реальные исторические события, описанные в романе: в Семипалатинске в конце XIX века произошла вспышка холеры, с которой Абай призывал бороться методом самоизоляции и соблюдением элементарных санитарно-эпидемиологических норм. Злое слово, по мнению М. Ауэзова, может быть опаснее даже самой страшной инфекции: *Ядовитые слова Сармоллы опаснее и заразнее самой холеры* [3, с. 295]. Лживые слова оппонента вызывают у Абая ассоциацию с нечистотами: *Абай почувствовал к Жиренше такое отвращение, будто у того вместо слов изо рта текли нечистоты* [2, с. 567]. Такое сравнение тоже возникло не на пустом месте. Казахи говорят: *Жақсы сөйлесе, аузынан гүл төгіледі, жаман сөйлесе, аузынан жын төгіледі* (Добрый человек заговорит – будто цветы вокруг рассыпает, злой рот откроет – поток грязи выливает).

Лечебный эффект слова репрезентируется оригинальным авторским сравнением слова с агентом *руки опытного костоправа*, которые сами находят причину болезни и могут ее устранить: *Его слова, будто руки опытного костоправа, сразу нашли место перелома* [2, с. 439].

Реаморфная метафора

Самой многочисленной при метафорическом переосмыслении концепта *слово* является реаморфная метафора, которая реализуется посредством наименований рукотворного мира. В нашем исследовании она представлена сценарным фреймом *вышивать (плести) узоры на ковре*: *И пошел вышивать словесные узоры...* [3, с. 509]. *Плетут слова, что узоры на ковре* [3, с. 501].

В вышивках и орнаментах, как и в народных мифах и сказках, таятся смыслы и знаки, идущие из глубины веков. Они создавались не только для украшения утвари, одежды и других предметов народно-прикладного искусства. Нашим предкам, обладавшим еще совсем в недалекие времена магическими знаниями, они служили оберегами от злых сил и были способны притягивать удачу и счастье своему хозяину. Они являют собой запечатленную в таких же, как слова, знаках человеческую память.

Таким образом, исследование показало, что концепт *слово*, преломленный сквозь метафорическое зеркало казахского писателя М. Ауэзова, репрезентируется посредством шести культурных кодов: военного, природного, биоморфного, гемоморфного, морбуального и предметного. Военные и природные метафоры достаточно продуктивно развивают переносные значения концепта *слово*

в казахской лингвокультуре. Моделируя острые проблемы жизни общества в терминах войны, автор, так или иначе, навязывает конфликтный путь их решения: слово поэта превращается в оружие социальной борьбы. Природные метафоры добавляют концепту *слово* метафорические признаки противоборствующих стихий воды и огня. Биоморфные метафоры делают слово живым, горячим, как сердце или кровь, рвущимся на волю, как птица, таким же необходимым, как кочевнику конь. Морбуальные метафоры характеризуют слово как способное травмировать и лечить. Гемоморфные метафоры описывают его как драгоценный подарок, а реаморфные – как мудрое послание потомкам. Все используемые метафоры позволяют автору приоткрыть доступ к загадочной природе живого человеческого слова: описать его красоту, эмоциональный потенциал, а также силу воздействия на человека.

Список литературы

1. Антология концептов / Карасик В.И., Стернин И.А. (ред.). Т. 2. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
2. Ауэзов М. Путь Абая: Роман. Т. I. Алма-Ата: Жазушы, 1987. 608 с.
3. Ауэзов М. Путь Абая: Роман. В 2 т. Авториз. пер. с каз. Т. II. Алма-Ата: Жазушы, 1987. 592 с.
4. Ахметов З. Роман-эпопея Мухтара Ауэзова. Алматы: Санат, 1997. 286 с.
5. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
6. Бизаков С. Ветви одного могучего дерева (тюркские народы): Историко-этнографические очерки. Алматы: Изд-во «Білім», 2002. 324 с.
7. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Вопросы языкознания. 2001, № 1. С. 64–72.
8. Каратаев М. Певец народа. Заметки о творчестве М. Ауэзова. Алма-Ата: Жазушы, 1967. URL: https://librebook.me/abai_s_way/vol1/1
9. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. 328 с.
10. Кунанбаев А. Собрание сочинений в одном томе. Пер. с казах. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1954. 417 с.
11. Кураш С.Б., Аматав А.М., Свищев Г.В. Военная метафора в политическом дискурсе: тактика и стратегия // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. № 2, Т. 4. С. 12–20.
12. Курылев В.П. Оружие казахов // СМАЭ. Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. С. 4–22.
13. Мырзахметулы М. Восхождение Мухтара Ауэзова к роману. Алматы: Санат, 1994. 320 с.
14. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 126–132.
15. Сабитова З.К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. Алматы: Қазақ университеті, 2007. 320 с.
16. Токтабай А. Камча: вещь и символ в быту и мифе казахов. 2023. – URL: <https://qalam.global/articles/kamcha-veshh-i-simvol-v-bytu-i-mife-kazakhov-ru>
17. Уразаева К. «Путь Абая»: актуально об актуальном // Простор. 2017. № 12. С. 166–180.
18. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2001. 238 с.

References

1. *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Karasik V.I., Sternin I.A. (ed.). Vol. 2. Volgograd: Paradigma, 2005. 352 p.
2. Auezov M. *Put' Abaya* [The Path of Abai]. Vol. I. Alma-Ata: Zhazushy, 1987. 608 p.
3. Auezov M. *Put' Abaya* [The Path of Abai]. Vol. II. Alma-Ata: Zhazushy, 1987. 592 p.
4. Akhmetov Z. *Roman-epopeya Mukhtara Auezoza* [Novel-Epic of Mukhtar Auezov]. Almaty: Sanat, 1997. 286 p.

5. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)* [Russian Political Metaphor (Materials for the Dictionary)]. Moscow: Institute of Russian Language of the USSR Academy of Sciences, 1991. 193 p.
6. Bizakov S. *Vetvi odnogo moguchego dereva (tyurkskiye narody): Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Branches of one Mighty Tree (Turkic Peoples): Historical and Ethnographic Essays]. Almaty: Bilim, 2002. 324 p.
7. Vorkachev S.G. [Linguoculturology, Linguistic Personality, Concept: the Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics]. *Voprosy yazykoznaviya* [Questions of Linguistics]. 2001, no. 1, pp. 64–72. (in Russ.)
8. Karataev M. *Pevets naroda. Zametki o tvorchestve M. Auezova* [Singer of the people. Notes on the work of M. Auezov]. Alma-Ata: Zhazushy, 1967. URL: https://librebook.me/abai_s_way/vol1/1 (accessed: 07.09.2023)
9. Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus': naslediyе v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus': Heritage in Words. Human World]. St. Petersburg, 2000. 328 p.
10. Kunanbaev A. *Sobraniye sochineniy v odnom tome* [Collected Works in one Volume]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1954. 417 p.
11. Kurash S.B., Amatov A.M., Svishchev G.V. *Voyennaya metafora v politicheskom diskurse: taktika i strategiya* [Military Metaphor in Political Discourse: Tactics and Strategy]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Scientific Result. Questions of Theoretical and Applied Linguistics]. 2018, no. 2. vol. 4, pp. 12–20.
12. Kurylev V.P. *Oruzhiye kazakhov* [Kazakh Weapons]. *SMAE [SMAE]. Vol. 34. Material'naya kul'tura i khozyaystvo narodov Kavkaza, Sredney Azii i Kazakhstana*. Leningrad, 1978, pp. 4–22.
13. Myrzakhmetuly M. *Voskhozhdeniye Mukhtara Auezova k romanu* [Mukhtar Auezov's Ascent to the Novel]. Almaty: Sanat, 1994. 320 p.
14. Pimenova M.V. *Kontseptual'nyye issledovaniya i natsional'naya mental'nost'* [Conceptual Research and National Mentality]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian Vector]. 2011, no. 4 (28), pp. 126–132.
15. Sabitova Z.K. *Proshloye v nastoyashchem. Russko-tyurkskiye kul'turnyye i yazykovyye kontakty*. [The Past is in the Present. Russian-Turkic Cultural and Linguistic Contacts]. Almaty: Kazakh University, 2007. 320 p.
16. Toktabay A. *Kamcha: veshch' i simvol v bytu i mife kazakhov* [Kamcha: Thing and Symbol in the Life and Myth of the Kazakhs]. 2023. URL: <https://qalam.global/articles/kamca-veshh-i-simvol-v-bytu-i-mife-kazaxov-ru> (accessed: 07.09.2023)
17. Urazaeva K. *“Put' Abaya”: aktual'no ob aktual'nom* [“The Path of Abai”: Relevant about the Relevant]. *Prostor* [Space]. 2017, no. 12, pp. 166–180.
18. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2001. 238 p.

Информация об авторе

Румянцева Марина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин, Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Россия; m.rumjanzewa@rambler.ru

Information about author

Marina V. Rumyantseva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philological Disciplines, Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia; m.rumjanzewa@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 14.11.2023.

The article was submitted 14.11.2023.